

А. Е. КАТЮШИН

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА
БОСПОРСКИХ СТАТЕРОВ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ III в. н.э.
В СВЕТЕ РИМСКО-БОСПОРСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

В изучении истории Боспорского царства римского императорского времени, наряду с письменными и эпиграфическими источниками, большую роль играют памятники нумизматики. Они особенно важны для исследования взаимоотношений Римской империи и Боспора. Посвященная памятникам Боспорского царства нумизматическая литература довольно обширна, но в предлагаемой статье я не ставил перед собой задачи полностью ее осветить (тем более, что практически любая, выходящая в последнее время, монография на рассматриваемую тему снабжена, как правило, историографическим обзором). В числе основных работ нельзя не назвать капитальный труд А.Н. Зографа «Античные монеты», где северопричерноморские памятники нумизматики рассмотрены в сопоставлении с другими монетными системами античного мира. Среди вышедших в сравнительно недавнее время, необходимо отметить монографии В.А. Анохина «Монетное дело Боспора» и «История Боспора Киммерийского», а также Н.А. Фроловой «Монетное дело Боспора». Эти авторы, наряду с важными историческими реконструкциями и интерпретациями, ввели в научный оборот массу исключительно ценных фактических данных.

Этапы боспорского монетного дела императорского периода хорошо освещены в соответствующей литературе, поэтому в формате предлагаемой статьи вряд ли необходимо подробно воспроизводить эту информацию. Однако следует, на мой взгляд, хотя бы вкратце остановиться на основных моментах формирования внешнего облика боспорских статеров римского времени. С 289 г. б.э. (9/8 г. до н.э.), после окончательного крушения антиримской политики Митридата Евпатора и в результате укрепления императорской власти, на Боспоре начинается выпуск ауреусов с изображениями римского императора на лицевой стороне и членов императорской семьи на оборотной [1, с. 191]. Существует, правда, репродукция статера такого типа с датой 284 г. б.э., однако его подлинность сомнительна [2, с. 81]. Портретов боспорских царей

на этих монетах нет, и лишь их имена, зашифрованные в виде монограмм, иногда стоят на реверсах (рис. 1, 1,2,2.1). Причем вопросы принадлежности той или иной монограммы определенному боспорскому царю до сих пор, за редким исключением, нельзя отнести к разряду бесспорно решенных. Напротив, мятежник Митридат VIII (III) (39/40-44/45 гг.), завладевший боспорским тронном вопреки воле Гая Калигулы, выбивал на ауреусах как свое имя, так и титул (рис. 1,3). Мятеж был подавлен римлянами с помощью предательства Митридата его братом Котисом – в результате последний стал, при активной поддержке империи, следующим боспорским правителем (45/46-67/68 гг.). На монетах в начале своего правления Котис I обозначал себя лишь монограммой (рис. 1,4), а в 62 г. были выпущены золотые монеты с изображениями голов Нерона и Клавдия (рис. 1,5) [3, ч. 1, с. 87-88, 99], а также медные монеты с изображением и титулом императора Нерона [3, ч. 1, с. 98]. Боспорский царь в легендах этих монет никак не был упомянут – так в нумизматических памятниках отразилась возросшая в 50-60-е гг. I в. н.э. римская экспансия в Северное Причерноморье [4, с. 330]. Боспорские статеры такого типа известны по 374 г. б.э. (77/78 г. н.э.). Котис I стал пожизненным первосвященником императора, «другом цезаря и римлян», «благочестивым» [4, с. 328-329; 5, №№ 41, 69, 958, 1124]. Рескупорид I (II) (68/69-91/92 гг.), чеканивший, по прежним правилам, золотые монеты с изображениями Веспасиана и Тита и царской монограммой, с 81 г. помещает на них как свой портрет, так и имя и титул (при этом голова императора перемещается на аверс) (рис. 1,6). Эти изменения связывают с активизацией даков под предводительством Децебала во время правления императора Домициана. В это время «спасая положение на Дунае, римское правительство принуждено было для усиления там армии вывести из Северного Причерноморья гарнизоны. Боспору вновь поручено было взять на себя защиту греческих городов Северного Причерноморья и, главным образом, Херсонеса... С этого времени на боспорских статерах почти всегда стали помещать изображения царей Боспора с их титулом и полным начертанием имени; лишь на обороте монеты чеканилась голова римского императора и дата выпуска» [4, с. 333]. Подобный облик статеров сохраняется до конца монетной чеканки на Боспоре [1 с. 201; 2, с. 100, 102], и именно на такие монеты я хотел бы обратить внимание в предлагаемой статье.

В научной литературе давно существует мнение, что римские императоры поддерживали боспорскую армию субсидиями с тем, чтобы боспорские правители при необходимости поставляли имперскому войску свои отряды [4, с. 333-334; 6, с. 209; 7, с. 152]. Впрочем, есть и другая точка зрения, согласно которой, наоборот, Боспор был обложен определенными поборами в пользу римской администрации [8, с. 108; 9, с. 202-203]. Время от времени финансировалась, предположительно, и собственно боспорская монетная чеканка [2, с. 107].

В упомянутой выше работе А.Н. Зограф отмечал значение античных монет императорского времени как средства пропаганды [1, с. 74]. Этот вопрос

пространно освещен в монографии М.Г. Абрамзона «Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи». «В период гражданских войн конца Республики монета становится наиболее эффективным инструментом политической пропаганды. Это декларативное средство обладало двумя исключительными качествами, которые отличали его от остальных, – оно легко тиражировалось и было чрезвычайно широко распространено в практическом обиходе, что делало его общедоступным» [10, с. 9]. Возможность исследования нумизматических памятников в этом ключе побудила меня попытаться взглянуть на заключительный этап истории Боспора по-новому.

В.Ф. Гайдукевич отмечал, что Боспорское царство во II в. и в первых десятилетиях III в. достигло «наивысшего расцвета ... в период своего вторичного подъема, начавшегося еще в начале нашей эры» [4, с. 336]. Боспорский царь Тиберий Юлий Савромат II (173/174-210/211 гг.) укрепил и расширил сухопутные границы царства, а также одержал ряд побед на море. Благодаря эпиграфистам нам известны надписи его сына, Тиберия Юлия Рескупорида III (именовавшего себя «царем всего Боспора и тавроскифов»), с упоминанием славного отца. В течение первых десятилетий III в. Боспорское царство играет заметную роль в торговом черноморском обмене [4 с. 338; 5, № 54, 63]. По данным эпиграфики и нумизматики, мы также знаем имена и годы царствований следующих боспорских правителей: Котиса III, Савромата III, Рескупорида IV, Ининфимея. Периоды царствований этих правителей определяются по датировкам монетных выпусков; лакуны и хронологические несоответствия в династической истории Боспора этого времени объясняются предположительно (так как дополнительные источники отсутствуют) [3, с. 3-40; 7, с. 159-164]. Этим, как правило, исследователи заканчивают экскурс в боспорскую историю первой половины III в., стремясь скорее перейти к перипетиям середины столетия. Действительно, сведений об этом периоде немного – в отличие от более-менее освещенного источниками времени «готских морских походов». Получается, что нашествие готов на Боспор представляет собой не связанный с предыдущей историей сюжет, а эпоха «готских морских походов» стала в историографии самодостаточной исторической вехой, отправной точкой для раннесредневековой истории Боспора. Однако каждое историческое событие имеет подоплеку. Тем большее значение приобретают для нас монеты Боспора первой половины III в.

Несмотря на нередкие попытки проведения реформ по увеличению содержания драгоценных металлов в боспорских монетах, все же в монетной чеканке боспорского царства первых вв. н.э. (и до последнего выпуска) наблюдается «ступенчатое падение концентрации золота в монетах» [11, с. 287-288]. Однако эта порча не касается облика боспорских монет в принципе: каким бы ни был металлографический состав боспорского статера (начиная с 81 г. н.э.), на аверсе, как правило, имеется изображение боспорского царя, на реверсе – императора. Другое дело – иконография изображений

на боспорских нумизматических памятниках: к середине III в. изображения на боспорских статерах становятся крайне грубыми и упрощенными [4, с. 456].

Невозможность применения сравнительного анализа изображений на монетах, как ведущего метода при классификации нумизматических памятников, неоднократно подчеркивалась специалистами [1, с. 73; 2, с. 102-103]. Между тем, А.Н. Зограф совершенно справедливо отмечал важность иконографического анализа, как вспомогательного метода, в исследовании монетного дела [1, с. 73]. С этой точки зрения интересно было бы, как мне кажется, рассмотреть монетные выпуски царя Котиса III (227-233 гг.). По данным Н.А. Фроловой, первые статеры этого царя известны с 524 г. б.э. (рис. 1,7). В составе этих монет содержится от 20 до 30% золота. Некоторые экземпляры следующего, 525 г. б.э. (рис. 1,8,8.1), содержат еще меньше золота (11%), состав остальных вообще не включает этот драгоценный металл. Н.А. Фролова отметила, что один из известных статеров 525 г. б.э. с содержанием золота имеет общий штампель с монетой того же года, состоящей на 75% из серебра (золото в ней отсутствует вовсе). Решительное уменьшение концентрации золота в статерах Котиса III отмечали также Ю.Л. Дюков и Т.Н. Смекалова [11, с. 291]. «Применение одних и тех же штампелей для чеканки статеров из металла различного состава говорит о том, что, несмотря на очевидное ухудшение качества металла, боспорские статеры все еще ценились больше как монеты, обращение которых санкционировалось помещением на них имен правящих царей, нежели просто как отдельные слитки драгоценного металла» [3, ч II, с. 20]. Мне кажется, что, помимо порчи металла этих монет, именно в правление Котиса III происходит резкое огрубление изображений на статерах. Так, в 526 г. б.э. (229 г. н.э.) были отчеканены статеры, на которых изображение императора Александра Севера сильно упрощено по сравнению с предыдущими выпусками (рис. 1,9). Лицевые стороны этих монет (с профилем царя) выбиваются штампелями прежних лет [3, ч. II, с. 21], поэтому в сравнении с реверсами выглядят гораздо изящнее (рис. 1,9.1). Огрубление изображений сначала на оборотных сторонах монет объясняется тем, что штампели реверсов были, как правило, верхними (ударными) и поэтому быстрее приходили в негодность, в то время как лицевые штампели еще продолжали работать [1, с. 33]. Похожая ситуация сохраняется в следующем, 230 г. Зато статеры 528 (231) г. имеют упрощенные изображения как на оборотной стороне, так и на лицевой (рис. 1,10). Причем, судя по тому количеству этих монет, что было разобрано по штампелям, штампели 528 г. б.э. раньше не работали [3, ч. II, с. 21]. С 229 по 231 гг., параллельно с Котисом, происходит чеканка Савромата III. Монеты этого правителя по всем признакам схожи с монетами Котиса III [2, с. 120; 3, ч. II, с. 25-29].

Мне кажется, что факт одновременного снижения содержания золота в составе боспорских статеров и качества изображений на них в течение правления одного боспорского царя и одного же римского императора не может быть случайным, а поэтому достоин внимания и требует объяснения.

Изображения на монетах центральных и провинциальных монетных дворов, при том, что монеты эти в целом укладываются в римскую денежную систему, часто значительно отличаются друг от друга и стилистически, и сюжетно. Боспорские нумизматические памятники римского облика так же имеют свои характерные особенности. Тем не менее, учитывая то, что особа римского императора была священна, и при этом он являлся патроном боспорского царя, вряд ли стоит сомневаться в том, что существовали какие-то иконографические каноны для изображений римских императоров на боспорских монетах. Вероятно, были и способы стандартизации (хотя бы и относительной) портретов императора, чеканящихся на монетных дворах провинций и зависимых государств. Возможно, в монетные дворы провинций присылались штампы для монет [10, с. 79], а может быть, даже командировались специалисты-сигнаторы. А.Н. Зограф отмечал, что «статеры боспорских царей не только с весовой стороны, но и по внешнему виду, по своей фактуре, в точности повторяют римские ауреусы. В особенности это становится ясным при сопоставлении боспорских статеров с ауреусами, чеканенными на восточных малоазийских монетных дворах... При сохранившейся тесной связи между Боспором и Малой Азией было бы совершенно естественно, если бы для вновь открываемой на Боспоре чеканке монет по римскому образцу были приглашены мастера из ближайшего императорского монетного двора» [1, с. 192].

На мой взгляд, такую резкую смену облика боспорских статеров можно объяснить изменением взаимоотношений Империи и Боспора в конце 20-х гг. III в. Насколько мне известно, подобное огрубление изображений на монетах не постигло римские нумизматические памятники, чеканенные на центральном и восточном монетных дворах, во всяком случае, времени Александра Севера (рис. 1, 11, 11.1) [12, с. 82-99]. Нужно сказать, что схематизация изображений в центральном имперском монетном деле так же возрастает, но лишь со второй половины III в., а «полная потеря портретности» происходит гораздо позже – во второй половине IV – начале V вв. [1, с. 74; 10, с. 441]. Мне кажется, что боспорские статеры, с точки зрения имперской пропаганды официальной политики, именно с конца 20-х гг. III в. выходят из круга монет римской денежной системы. Императоры, волей-неволей, перестают контролировать боспорские выпуски, следить за соответствием их стандартам. Чтобы как-то поддержать платежеспособность деградирующего статера, боспорские эмитенты пытаются сохранить прежний облик монеты, воспроизвести аутентичный вид. С этой целью за производство монетных штампов берутся боспорские резчики, утратившие, по-видимому, прежний опыт боспорской монетной глиптики и вследствие чего, вероятно, плохо знакомые с техникой этого дела. Их не слишком удачные попытки воспроизведения римского монетного облика боспорских статеров приводят к тому, что изображения на монетах становятся примитивными, схематичными и опосредованными, отчасти напоминая известные варварские

подделки античных памятников нумизматики [см., например: 1, с. 101]. В правление Иненфимея боспорский монетный двор отчеканил небольшое количество статеров с «изящными» портретами – они датируются 238 г. и приходятся, возможно, на конец правления Гая Юлия Вера Максимины (рис. 1, 12) [3, ч. 2, табл. XXXI, рис. 1-15], однако вскоре тот же боспорский царь продолжил чеканку монеты со схематизированными изображениями (рис. 1, 13) [3, ч. II, табл. XXXI, рис. 16-24].

Временем непрекращающихся экономических и политических кризисов для античного мира стал III в. Рим терял прежние территориальные завоевания. Огромная империя распадалась. Варварские нашествия, иногда с трудом, но все же отражаемые римлянами на границах в прошлые века, усиливаются, и борьба с ними проходит уже не столь успешно. Внешняя политика Рима в правление Александра Севера (222-235 гг.) потерпела полный провал сначала на востоке, в войне с парфянами, а затем и на Дунае и Рейне. При Александре Севере прекращается вообще монетная чеканка Ольвии и Тиры [13, с. 74-101]. О нестабильности экономики Боспорского царства в 20-30-х гг. III в. косвенно свидетельствуют клады монет, количество которых значительно в этот период [14, с. 333]. На мой взгляд, именно при Александре Севере боспорские статеры перестают быть средством официальной римской пропаганды. Попытка восстановления «status quo» в этом вопросе была, вероятно, предпринята при Максимины, но провалилась. Я думаю, что резкое изменение облика боспорских монет в течение правления одного царя и одного же императора может указывать на, по крайней мере, частичную утрату Римом контроля над Боспорским царством в 20-30-е гг. III в. Вероятно, это во многом предопределило события середины III в., когда боспорские цари не только не сопротивлялись варварскому вторжению, но и сотрудничали с врагами Римской империи, предоставив им в распоряжение корабли [15, с. 274-288; 4, с. 450; 16, с. 32; 17, с. 519]. При этом практически все боспорские правители рассматриваемого периода и последующих лет (если только они известны по надписям) по-прежнему носят имена Тибериев-Юлиев и называют себя «благочестивыми», «друзьями цезаря и римлян» [5, №№ 36, 58, 59, 60, 1247, 1249, 1250, 1283, 1284, 1285, 1288]. В начале нашей эры эта формула обозначала союзника Рима, заключившего договор о дружбе с империей и наделенного, в силу этого, определенными обязанностями и правами [4, с. 333; 18, с. 27-28]. Вряд ли этот титул был наполнен прежним содержанием во второй четверти III в., скорее всего, он превратился в формальное признание «невраждебности» Боспора Риму. Вместе с этим, наряду с именем Тибериев-Юлиев, формула «друг цезаря и римлян» должна была подтверждать легитимность каждого нововоцаряющегося правителя не столько для римлян, сколько, может быть, для боспорян, понуждая их к повиновению. Эти титул и имя стали настолько традиционными, что встречаются в эпиграфике гораздо позже рассматриваемого мной времени, уже в византийскую эпоху [19, с. 244-245].

Во всяком случае, есть, как мне кажется, некоторые основания для предположения о значительном ослаблении влияния Римской империи на Боспорское государство при Александре Севере. Кроме того, попытки боспорских правителей сохранить платежеспособность статера путем помещения на нем опосредованного изображения «императора», равно как и использование прежней лояльной Риму титулатуры в надписях, не могут быть, на мой взгляд, подтверждением зависимости Боспора от империи в прежних масштабах, начиная с конца 20-х гг. III в.

В заключение хотелось бы отметить, что автор предлагаемой статьи осознает гипотетичность данной работы и несовершенство ее методологической части. Для полного анализа изображений «царя» и «императора» на боспорских статерах римского времени необходима, в первую очередь, разработка определенных сравнительных критериев. Это возможно только при прямой работе с нумизматическими памятниками. Кроме того, нужно определить место боспорской монеты как средства имперской пропаганды среди подобных нумизматических памятников провинций и зависимых государств Римской империи. Однако это тема для большой отдельной работы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. Вып. 16.
2. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
3. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. Ч. I-II. М., 1997.
4. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.
5. Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
6. Моммзен Т. История Рима. Т. 4. Ростов-на-Дону, 1997.
7. Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
8. Зубарь В.М. Северный Понт и Римская Империя. Киев, 1998.
9. Зубарь В.М., Зинько В.Н. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории // БИ. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. XII.
10. Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской Империи. М., 1995.
11. Дюков Ю.Л., Смекалова Т.Н. Исследование сплавов монет Боспора первых веков нашей эры из коллекции Эрмитажа // Нумизматический сборник. СПб., 1998.
12. Фролова Н.А., Абрамзон М.Г. Римские монеты в собрании Государственного исторического музея. Ч. III. М., 2003.
13. Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989.
14. Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I. Киев, 2008.
15. Зосим. Новая история / Пер. и ком. В.В. Латышева // ВДИ. 1948. № 4.
16. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
17. Хайрединова Э.А. Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н.э. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
18. Цветаева Г.А. Боспор и Рим. М., 1979.
19. Виноградов Ю.Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (в свете датированных боспорских надписей V в.) // ВДИ. 1998. № 1.

Катюшин О. Є.

Деякі особливості зовнішнього вигляду боспорських статерів другої чверті III ст. н.е. в світлі римсько-боспорських відносин

Резюме

У статті розглянуто зображення боспорського царя і римського імператора на боспорських статерах. У другій чверті III ст. н.е., в правління боспорського царя Котиса III і римського імператора Олександра Севера, відбувається падіння золотого вмісту в монетах. Крім того, на них помітно погіршується якість зображень. Короткочасне поліпшення якості зображень царя і імператора на статерах відбувається у подальшому за боспорського правителя Інєнфімея та імператора Максиміна, але незабаром той же цар продовжив карбування монет з «грубими» зображеннями. Це може свідчити про те, що боспорська монета перестає бути в цей час засобом офіційної римської пропаганди. Ймовірно, Римська імперія втратила, принаймні частково, контроль над Боспорським царством в 20-30-і рр. III ст. н.е.

Катюшин А. Е.

Некоторые особенности внешнего облика боспорских статеров второй четверти III в. н.э. в свете римско-боспорских отношений.

Резюме

В статье рассматриваются изображения боспорского царя и римского императора на боспорских статерах. Во второй четверти III в. н.э., в правление боспорского царя Котиса III и римского императора Александра Севера, происходит падение золотого содержания в монетах. Кроме того, на них заметно ухудшается качество изображений. Кратковременное улучшение качества изображений царя и императора на статерах происходит в дальнейшем при боспорском правителе Иненфимее и императоре Максимине, но вскоре тот же царь продолжил чеканку монет с «грубыми» изображениями. По мнению автора статьи, это свидетельствует о том, что боспорская монета перестает быть в это время средством официальной римской пропаганды. Вероятно, Римская империя утратила, по крайней мере частично, контроль над Боспорским царством в 20-30-е гг. III в. н.э.

Katiushin A. E.

Some Peculiarities of Habitus of Bosphorus Staters Dating Back to the Second Quarter of the 3rd Century AD in the Light of Rome-Bosphorus Relations

Summary

The portraits of Bosphorus king and Roman emperor on Bosphorus staters are considered in the article. In the second quarter of the 3rd century during the rule of the Bosphorus king Cotys III

and the Roman emperor Alexander Severus gold content in coins decreases. The quality of images of the king and emperors worsens as well. Later short-term improvement of quality of the pictures of the king and emperor on staters takes place during the reign of Bosphorus ruler Inenphimeus and emperor Maximinus but soon the same king continued minting coins with «rough» images. In the author's opinion it testifies to the fact that Bosphorus coin ceased to be the means of official Roman promotion in this period. Probably, the Roman Empire lost, at least partially, the control over the Bosphorus Kingdom in the 20s – 30s of the 3rd century AD.

Рис. 1. Боспорские статеры. Иллюстрации по В.А. Анохину [2] и Н.А. Фроловой [3].